

Сыграть молчание...

Она любила математику. Поступила на отделение авиационного моделирования. А стала актрисой

Ирина КЛЕПИКОВА

Даже теперь, когда настала пора возрастных ролей, зритель совсем по особому аплодирует Галине Умпелевой. Даже когда она играет в эпизоде. Даже когда ей приходится играть молчание.

«Она могла получить роль не очень хорошую, с глупым текстом, и благодаря своим личным качествам, благодаря владению актёрским ремеслом, вдохнуть в неё жизнь. Тут ей не было равных. Иногда она чувствовала себя божеством» — писал в романе «Травма» Сомерсет Моэм о главной героине. «Театр» — зеркало Сцены и Закулисья, энциклопедия театральной жизни. А потому — предлагаю Г. Умпелевой беседовать... итронём, с Сомерсетом Моэмом. В качестве вопросов — строки из «Театра».

«Даже лобопытно! — откликается Галина Николаевна. — Давайте попробуем...»

«Итак, «Я живу среди кулис с самого детства. И то, чего я не знаю о театре, и знать не стоить», — говорит героиня Моэма. Можете вы, как она, сказать о себе — «природная актриса»?

«Наверное, могу. У меня актёрская семья: мама-трагистка, отец — герой-любовник (хотя на сцене мне не суждено было его видеть), а отчим мог играть всё — и Горюхиного, и профессора Окаёмову и в репертуар, как-то окончательно решилось: я — актриса.

Дальнейшее постижение профессии заключалось в том, что я ходила на спектакли и смотрела — как надо играть и как не надо. Было у кого учиться! И потом — Харлип был очень хороший режиссёр. Очень!

«Кстати, о мастерстве режиссёра Моэма пишет: «Джулия увидела, что он извлекает из неё больше, чем любой другой режиссёр. Он знал, на что она способна, и, знакомый с каждой её интонацией, каждым выражением её чудесных глаз, мог преподавать ей советы, которые помогли ей создать одну из лучших ролей». Везло вам на окрыляющих режиссёров?

«Везло. Их было немало. Но самый поразительный случай был с Ефимом Лифсоном. Мне обычно дают играть очень сильных женщин, а он вдруг предлагает Мону в «Безымянной звезде». Капризную, рафинированную. Прочитав пьесу, иду к нему: «Знаете, я боюсь её играть. Мне кажется, это не моё...». «Вы просто себя не знаете», — отвечает Лифсон. И как же он, этот молодой режиссёр, оказался прав: я бегала на репетиции как на праздник. И спектакль получился. Значит, он рассмотрел во мне то, чего я сама о себе не знала...»

«А ещё благодаря режиссёрам, их доверию, их видению, я сыграла Бланш в «Травме» и «Желание», Леди в «Орфей спускается в ад», Аманду в «Стекланном зверице». Всё — Уильямс, роли мирового репертуара. Не знаю, кому ещё из актрис у нас в стране (да и в мире!) почастливилось сыграть все три роли...»

«Может, дело всё-таки — в блистательном материале. Он выручает? Если пьеса плоха, её никакая игра не спасёт» — опять из Моэма.

«Теоретически — да. Но я вам расскажу случай: как-то Александр Львович Соколов ставил у нас «Проходной балл». Пьеса ужасающая, примитивная. Но когда я пришла на сцену, увидела прелестный спектакль, с хорошим режиссёрским вкусом. Вся та дребедень, которая была в пьесе, куда-то исчезла, её стало не видно. Безусловно, что-то дотягивали актёры. Но — с режиссёрской подачи.

«Было время, когда мы играли пьесы... Как это они назывались? «Производственные». Вот где ужас был. В одном из «про-

Галина Умпелева в спектакле «Гарольд и Мод». Фото Виталия ПУСТОВАЛОВА

Бланш в легендарном спектакле «Травма» «Желание».

изводственных» спектаклей я играла журналистку, которая приходила на завод и рассказывала директору, как надо врать. Можно это играть?! А ты назначена на роль. И приходишь тогда по крошечке, по капелюшечке искать, выгибать хоть что-то живое. Чтобы не ходить по сцене «фанеркой». — А отказались? Когда моэмовской Джулии поют дифирамбы насчёт её актёрского мастерства, она отвечает: «Я просто остерегалась делать то, чего не могу».

«Она могла себе позволить — у неё муж руководил театром (смеётся). Актёр ни от чего отказываться не может. Правда, был случай: я отказалась от роли в «Кто боится Вирджинии Вульф?». Олби (а пьеса роскошная), когда никак не могла найти общего языка с режиссёром. Он предлагал полную несурезицу. Кончилось тем, что я сказала: «Изыщите. Берите кого хотите. Я больше не могу сражаться с вами...».

«А фильм «Женя, Женечка и «катюша»? Владимир Мотыль приглашал вас на главную роль! Сниматься с Олегом Далем! А вы...»

«Я не отказывалась. Просто из театра не отпустили: я была очень занята в репертуаре. Жестоко, но тогда пришлось выбирать — кино или театр? Я выбрала театр...»

«Галина Николаевна, в иных нынешних ваших ролях на вас из зала с замирающим сердцем смотрит. Слов, действия — мизер. Больше — пауз, и паузы надо держать. Не каждая пауза, если в этом нет крайней необходимости, — советует автор «Театра».

«Но уж если сделала — тыи её, сколько можешь». Вы можете много, а... всё-таки страшно за вас.

«(Смеётся). Про паузы почти слово в слово и у Станиславского написано. Молчать и «держать паузу», держать внимание на своей персоне — разные понятия. Последнее надо уметь. Даю немножко. Актёрам с харизмой. Миллион раз, особенно в больших драматических ролях, такая задача возникала. Старалась соответствовать. Где-то даже получалась. И тогда после того, как занавес закрылся, ощущение, что можешь ещё один спектакль сыграть. Так было в «Травме» и «Желание», в «Поминальной молитве»...»

«Станиславского-то, что же, самостоятельно осваивали? Ведь ваша судьба — редкий случай, когда без профессионального образования человек становится ведущим актёром театра...»

«Конечно, ежель не скажем так (без громких слов), дарования — то ни система Станиславского, ни театральные институты не помогут. Нельзя научить быть великим пианистом, художником (даже — поваром хорошим!), если у тебя в природе этого нет. Ремесло оно и есть ремесло. Ты можешь научиться шить сапоги, но... из-под твоей руки никогда не выйдут модельные туфли.

«Вернёмся ещё к вашим паузам на сцене? Специально, буквально отрывая своё внимание от главных персонажей, смотрела на вас, чтобы понять, что позволяет (воспользоваться вашим образом) «не быть фанеркой на сцене». Казалось бы, стоите — рука не дрогнет. Но! Появляя: глаза живут, лицо... Вспомнила из того же Моэма: «Каучуковое лицо. Такое и нужно актрисе. Лицо, на котором отражается каждая мысль, пронзающая в уме». А что ещё нужно актрисе?

«Талант. Больше ничего. Кто-то очень хорошо сказал: «Чтобы получился хороший спектакль, нужно немного — талантливая пьеса, талантливый режиссёр, талантливые актёры».

«...которые умеют заставить публику смотреть на них ещё до того как заговорят? И эта фраза, между прочим, — из Моэма.

«Бог ты мой! Я и не предполагала, что в его романе так много профессиональных театральных зацепочек. Смотрю: как что ни фраза — точнейшее наблюдение. В том числе и по актёрам, увлекающим публику ещё до первой своей реплики. В нашем театре работал Константин Максимов. Великий актёр! Если и была занята с ним в спектакле — в «Аргонатах» ли, в «Варварах», ни одной его сцены не пропустила, смотрела из-за кулис. В «Плодах просвещения» он играл старого повара, на печке лежал. Плохо-плохо этот его старик говорил, понять трудно (Максимов сам уже стариком был), — а глаз оторвать невозможно было в его сцене с мужиками. Сколько раз играли спектакль — столько я и бегала смотреть эту сцену.

Или сегодня — Слава Мелехов. Всего-то репетирует пьесу, только начали разбирать. Он ещё толком ничего не знает о своём персонаже. Но едва открывает рот — всё не оторвётся. Магия дарования... Многие могли бы ещё назвать, только в нашем театре: Слава Кирилличев, Лёша Петров, Юрий Васильев, Валя Воронин... Когда партнёр на сцене сильный, настоящий, мне так важно не подвести его.

«Вы называете всё актёров в возрасте, которые так или иначе столкнулись с проблемой востребованности. У актрис эта проблема ещё острее. Джулия в «Театре»:

«...Даже в 60 я смогу играть 45-летних. Но где их взять? Проклятые драматурги!». Полагаю: отечественная драматургия виновата перед такими актрисами, как вы?

«Нет, не виновата. Уйма роскошных возрастных ролей! В «Поминальной молитве» — та же Голда. В «Плодах просвещения» — даже несколько блестящих возрастных ролей. А Розов? Арбузов?! Другое дело, что в театре так складывается репертуар. Тем не менее... В «Хануме» у меня замечательная роль. И не важно, что она маленькая. Абсолютно неважно. Когда-то в Свердловской драме работала актриса Надежда Петина, она играла только эпизодические роли, но по слухам (увь, я не застала её) каждый раз это были блистательные работы...»

«Вообще, когда вижу гденибудь на телеэкране хорошую, состоявшуюся актрису, которая жалется: «Вот мне бы сыграть...» — думаю: «Что ж тебе всё мало и мало?» (смеётся). Мне самой неловко даже говорить об этом: столько сыграно! Грех — гневить судьбу. Слава Богу, и сейчас репетирую в «Дикарь» Кассоны. Тетушка. Точнее — одна из тетушек...»

«Но сил-то актёрских явно больше, чем на одну из тетушек...»

«А ещё — лень! (Смеётся). Можете, возрастное? Когда я много играла, всё казалось: ещё мало. Помню: сама сделала инсценировку по стихам и пьесам Цветаевой. Сама срежиссировала, придумала оформление (свечи на подсвечниках, книги, стол) и играла этой моноспектакль на нашей малой сцене. Потом и этого показалось мало — сыграла «Человеческий голос» Кокто. И сейчас — то-то могу себе найти. Надо только пошевелиться. А — лень. Даже моноспектакль — колоссальная работа. Тем более, когда совмещаешь актёрство с режиссурой. Спектакль по Цветаевой шёл один час 20 минут — я уходила со сцены выжатая, как мочалка. Потому что, играя, невольно подсознательно слушала себя «со стороны», как режиссёр. Безумно трудно! Больше никогда за это браться не буду.

«Спектакль не был снят на плёнку?»

«Нет. И даже не знаю: сожалеть по этому поводу или радоваться. Телеверсия — искусство, требующее особого дара оператора, режиссёра. В 1974 году у нас были гастроли Москва — Рига. В Москве нашу «Безымянную звезду» телевидение записывало прямо из зала, во время спектакля. Боже, думали мы, что же будет с этим тёмным, в сиреневых тонах, спектаклем? И вот играем в Риге ту же «Безымянную...», а по ЦТ — трансляция нашего записанного спектакля. В антракте я кусочек посмотрела и обалдела: такая красота!

Позже спектакль был снят и у нас на телевидении. В студии! Свет можно выстроить роскошный... Но когда я дома села смотреть его — после первой же сцены выключила и просто плакала. Ужас. Представляете: идёт диалог Моны и Гристаго (его играл Володя Марченко), а на экране крупным планом — буфаторское окно с буфаторским цветком. Что режиссёр имел в виду? Вся жизнь ушла из эпизода. Надо же было умудриться так изуродовать спектакль!

Словом, что остаётся от нашего искусства во Времени — большой вопрос.

«Что бы ни оставалось, как бы драматично порой ни складывалась карьера — похоже, человек, однажды ступивший на сцену, навсегда остаётся её пленником. Цитирую из Моэма: «На выход, пожалуй-

ств! Эти слова всё ещё вызывали у Джулии глубокое волнение, хотя один Бог знает, сколько раз она их слышала. Они подбадривали её как тонизирующий напиток. Жизнь получала смысл. Джулия предстояло перейти из мира притворства в мир реальности». Вопрос первый: приглашение «На выход!» правда тонизирует?

«У всех актёров разная эмоциональная возбудимость. Я могу в нашей «Брежневке» (коридор перед сценой) рассказывать анекдоты до самого «На выход!». Но как только переступила за железную дверь, ведущую на сцену, обуревают жуткое волнение. Жуткое! До момента, пока не вышла в свет. Так — каждый раз. Как-то на гастролях в Москве, перед самым выходом на сцену, Володя Марченко-Григ положил мне руки на плечи. И — «Боже, что с тобой?!». Меня трясло, словно отбойным молотком... Один из мальчишечкино, танцующих в «Хануме», спросил однажды, волнуясь ли. «Безумно!» — отвечаю. Он, похоже, не поверил.

«И второй вопрос — насчёт мира притворства и мира реальности. У Моэма: жизнь — притворство, а театр — мир реальности. Мурашки по коже, если вдуматься...»

«А я очень эту фразу понимаю. Закулисье — переживание от спектакля до спектакля. Да, и притворство. Сколько здесь сталкивается амбиций, претензий! Намешано всего. А на сцене — жизнь души. Душа, единственно искренняя, и ведёт подчас, подсказывает более точные решения. Даже во время спектакля. Помню, играли «Орфей спускается в ад». Эпизод, когда Вал уходит из дома, прихватив что-то с собой. «Вор! Вор!» — говорила я о своём любимом и уходила к себе. Вдруг на каком-то спектакле то, что Вал — вор (!), так меня сломало, что я невольно по лестнице не пошла, а буквально поперла по перилам. Уход получился очень долгий. В зале — гробовая тишина, а потом — аллодисменты.

Такое случается. В отрепетированных сценах остаются порой «белые места», которые — особенно если автор хорош, глубоки — во время спектакля сами заполняются. Само собой происходит. Персонаж сам живёт. Это для актёра счастливейшие минуты. Редкие, правда. По пальцам одной руки можно перечесть.

«Одной руки!»

«У меня — так, во всяком случае...»

«Предлагаю сменить интонацию. Улыбнитесь. Помните, как Джулия у Моэма мечтает: «Диета... к чёрту! Буду есть горячие булочки на завтрак, картофель на ланч и картофель на обед. Гороховый суп, лудинг с паточкой и вишнёвый пирог. И, да поможет мне Бог, никогда в жизни больше не прикоснусь к шиннату». Что бы быть в форме, от многого еде отказывались?»

«Никогда и ни от чего. Играя «Травмой» и «Желание», я терла за спектакль два с половиной килограмма. Каждый раз! Когда приходила домой, от напряжения у меня тряслись руки и ноги. Съедала сковородку жареной картошки и сковородку котлеток. И — ничего! В Риге на гастролях за 28 дней мы сыграли «Травмой...» 14 раз («Травмой» — шутили сами). Весила я тогда 47 кг. Просто не успевала восстанавливаться...»

«Припомню, у 90-летнего Никиты Богословского спросили на ТВ о рецепте долголетия. Он, с сигаретой в руках даже в студии, ответил: «Много выпивать, много курить, много любить и абсолютно не заниматься спортом» (смеётся). Спорт тоже не занимаюсь, но хожу много. И с удовольствием. Например, надо купить масло. Иду по Ленин до УПИ, там в магазине покупаю, и пешком же через весь центр обратно. Редкий день бывает, чтобы не вышла из дома. Только уж когда видишь, что из-за занятости в театре дом запущен. А так — ежедневно, даже если плохая погода.

«На улице узнают? Подходят?»

«Бывает, и очень часто. Конечно, приятно. Неприятно только, когда ты не в форме. Стоишь, например, в очереди с авоськой картошки, а к тебе — с улыбочкой, радушем: «Ах, как вы играли Бланш!...». Тогда жутко неловко.

«Зато только для вашей профессии придумана священная святых, «прихожая Бога», оберегающая вас от стороннего взгляда в момент революционности. Моэм — о гримёрке Джулии: «Здесь, в гримуборной, все события повседневной жизни утратили свою важность. Словно на дне баночки с гримом она находила другое существо, которое не задало никакие мирские тревоги». Гримёрка для вас — территория одиночества или...»

«Или» было раньше, когда мы сидели в одной гримёрке вместе с артисткой Шатровой — спина к спине, и прежде чем встать, я говорила: «Вера Михайловна, осторожно — выхожу».

«Теперь я одна. Прихожу перед спектаклем часа за полтора. Рядом — никого. Не выбалтываешь. Сцена, как известно, обладает чуть ли не психотерапевтическим действием. Болит зубы — проходишь: «Прошлым летом в Чулимске» играла как-то с температурой под 39, пятёрку предупредила: «Буду терять сознание — тыни меня», а у меня после спектакля — нормальная температура... В гримуборной — то же самое. Вхожу сюда — всё остальное отброшено. Только спектакль. Только роль. Вокруг — только те вещи, которые могут помочь. Поздравления с премьерами, которые сегодня — что-то вроде талисманов для меня. Чашки, из которых мы с вами кофе пьём, — те же «премьерные поздравления». Никаких портретов «себя любимой» вокруг.

«И, кстати, их и дома не разрешаю. Вообще, в дом не тащу театр, шлейф сыгранных ролей.

«А дома у вас можно найти здесь живёт актриса.»

«Думаю, можно. Потому что (улыбается) дом безсонный. Как нередко у творческих людей. А в дни премьер — огромное количество цветов. В банках. В вазах. В ведрах. Утром просыпаешься — так приятно. И цветы у меня, как правило, долго стоят.

«Говорят, так бывает, когда они подарены от чистого сердца. А зрители вас любят. Делают дело, что «публика перестала по-настоящему интересоваться театром». Опять — Моэм. Согласитесь с ним или нет, уже театральную публику зная более 50 лет?

«Публика меняется, и явно не в лучшую сторону. У меня нет Интернета — и не надо. За редким исключением, перестала включать телевизор. Кто с кем живёт, кто кого «употребил» или застрелил — мне неинтересно. А многие это смотрят. И, воспитанные на этом, зрители и от театра ждут того же. «Я пришёл — давай, весели, развлекай меня». А если на сцене кто-нибудь в конце концов матюгнет или снимет штаны — о, полный восторг и шквал аллодисментов...»

«У нас в театре шёл спектакль «Завтра было вчера» Олби. Блистательный драматург; отличная пьеса. Но как же тяжело было «брать зал!» В старом здании театра, на Вайнера, мы не могли пожаловаться на публику. Какая тишина стояла на спектакле «Иезидо глухаря!» Не мёртвая, а тишина соучастия, соучастия. Такой тишины теперь нет. В нашем стареньком, задрпанном здании на Вайнера зритель дышал с театром в унисон. Это было намолненное театральное место. Когда там построили магазин, я первое время ни проходила мимо, ни тем более заходила туда, не могла. Там ещё живы были старые театральные ступеньки...»

ДОСЬЕ «ОГ»

Галина УМПЕЛЕВА
Родилась в Троицке Челябинской области. Профессиональную деятельность начала в 1958 г. в Кировском ТЮЗе: сначала — суфлёром, потом — актрисой. В 1962 г. приглашена в Свердловский ТЮЗ. Сезон 1967-68 гг. играла в Воронежском драматическом театре им. А. Кольцова. С 1968 г. — актриса Свердловского театра драмы. Г. Умпелевой сыграно около 150 ролей, из которых в числе самых известных — Бланш Дюбуа («Травма»), Гелена («Варшавская мелодия»), Мона («Безымянная звезда»), Марина Мишик («Борис Годунов»), Раневская («Вишнёвый сад»), Нора в одноимённой драме Ибсена. Народная артистка России. Лауреат премии им. Станиславского за роль Бетси в «Плодах просвещения». Дважды лауреат областного театрального фестиваля «Браво»: «За честь и достоинство»; «Лучшая роль второго плана» в спектакле «Ханума». Лауреат губернаторской премии за выдающиеся произведения в области литературы и искусства. Кавалер ордена Почёта. Почётный гражданин Свердловской области.

Блиц-опрос

«Говорят, вы не любите фотографироваться?»

«Особенно на документы! «Голову — чуть вправо, плечо — назад...». Обращали внимание, какие страшные все в паспортах получаются? Даже красивые люди.

«Любимое время суток?»

«Сумерки. Очень любила их на родине, в Вятке: они там сиреневые, удивительно красивые. «В предне, в предгрезе» — говорила о сумерках Цветаева.

«Фраза, которая поддерживает вас в жизни.»

«Из «Травма» и «Желание»: «Я никому умышленно не причиняла зла». Могу сокрушаться, могу поосориться — но никогда не держу камня за пазухой.

«Кроме театра, любимое место в Екатеринбурге?»

«Бульвар. Улица Ленина до УПИ.

«Какую книгу будете читать сегодня на ночь?»

«Возможно, Бунина. Могу перечитать его без конца. А может, это будет Довлатов или Фолкнер. Также любимые. В книжный магазин хожу специально. В театре надо мной смеются: «Кто теперь книги покупает?!».

В гримуборной. «Не люблю грим. Главное — свести суть характера, а не менять лицо». Фото Ирины КЛЕПИКОВОЙ

«Что помогает расслабиться после тяжёлого спектакля, премьеры, когда руки-ноги дрожат?»

«100 граммов водки.

«Слово или слова, которые вы терпеть не можете в нашей жизни?»

«Мат. Сквернословие. Особенно — со сцены. Хотя... сама в жизни пользуюсь иногда, но у меня, по-моему, это не звучит вульгарно (смеётся).

«Представьте себя в ситуации Робинзона Крузо. Необитаемый остров, вы одна, и чудом удаётся започинить три вещи. Что выберете?»

«Книги. Сигареты. И — парфюм.

«Книгу — одну только можно.

«Ой, без ножа режете. Можно несколько?».

«Если не Урал, то где бы вы предпочли жить?»

«Только Урал. Если бы я объездила весь мир — может, чего и выбрала. А по телевизору? Нам ведь показывают не худшее, а лучшее. Нет, только Урал.

«Чего никогда не сможете простить в жизни?»

«Предательства.

«А в профессии?»

«Бездарности.

«Самая предпочтительная для вас скорость? Пешком. Поезд. Самолёт...»

«Пешком.

«Как любите отмечать День театра?»

«Никак. Не люблю большие званшица. Я — не тусовочный человек.

«Правда, что у вас нет сотового телефона?»

«Да есть. Но я как-то всё время забываю его взять. Или — опалтить. Или заридить...»

«Всё ближе 15 апреля, когда в Москве, на «Золотой маске», вам будут вручать приз «За выдающийся вклад в развитие театрального искусства». Ощущения?»

«Приятно, чего уж говорить. Но самое главное, что греет душу, — «Золотая маска» обратила внимание на актёров российской провинции. Наконец-то...»